

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Соотносительность форм глагола в русском и орокском языках (причастие, деепричастие, особые формы глагола) *

Рассматриваются вопросы грамматического статуса отглагольных образований, традиционно квалифицируемых как «особые формы глагола» или «именные формы глагола», а именно: причастий, деепричастий и имеющих в тунгусо-маньчжурских языках связанных имен существительных неполной парадигмы, соответствующих русским структурам, реализующим синтаксическую позицию обстоятельства, исходя из их семантики, грамматического оформления (категориальные признаки) и функциональной составляющей. Унификация этих лексических единиц на основании классифицирующих признаков позволяет максимально точно соотнести структуру и семантику данных отглагольных образований в русском и орокском языках.

Ключевые слова: лексическая единица, грамматическая форма, инфинитная форма, парадигма, категориальные признаки, посессивность, симулятив, консессив, супин, кондициональ.

В современном языкознании вопрос об основах классификации частей речи остается дискуссионным, но большинство ученых считает, что части речи – это лексико-грамматические разряды слов, которые отличаются друг от друга не только рядом грамматических черт (изменяемостью и неизменяемостью, способом изменения, парадигматикой), синтаксически – способами связи с другими словами и синтаксической функцией, но и лексически.

Одним из ведущих специалистов в области грамматики тунгусо-маньчжурских языков Б. В. Болдыревым был предложен универсальный классифицирующий параметр выделения частей речи – «общеграмматическое значение», под которым

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00117 «Проблема семантической эквивалентности и структурной соотносительности единиц в языках типологически различных систем (на материале орокского и русского языков)».

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; larisa-3302803@rambler.ru)

понимается такое отвлеченное от лексической семантики слова значение, которое выражается формальными грамматическими средствами [Болдырев, 2007, с. 49–50]. Выделение этого общего категориального грамматического значения, присущего ряду слов и словоформ, находящего в языке свое регулярное выражение, обладающего интегрирующим свойством и характеризующего классы и разряды слов, в языках различной типологии должно основываться на комплексе стандартных параметров: семантике, синтаксической функции и категориальных (парадигматических) характеристиках.

В языках флективного типа отнесение слова к определенной части речи достаточно прозрачно на уровне начальной словоформы: служебные флективные или суффиксально-флективные морфемы (окончания имен существительных, имен прилагательных, суффиксы-окончания глаголов и пр.) позволяют легко выявить общее категориальное грамматическое значение единицы, чего, в совокупности с лексическим, бывает вполне достаточно для частеречной квалификации слова; синтаксическая составляющая выступает как фактор, использующий и выявляющий его частные категориальные признаки.

В агглютинативных и полуагглютинативных языках номинативно-посессивной типологии, к которым относятся тунгусо-маньчжурские, где достаточно широкое распространение имеют так называемые синкретичные основы и омонимичные единицы разных уровней (например, лексемы и основы), синтаксическая позиция слова, связанная с его семантикой, является доминирующей при установлении его общего категориального грамматического значения, в свою очередь поддерживаемого парадигматическими (частными категориальными) характеристиками лексемы. Такой подход основывается, в первую очередь, на жестком порядке следования членов простого предложения. Квалификация релятивной формы в тунгусо-маньчжурских языках вне контекста практически невозможна: она осложняется также омонимичностью суффиксальных служебных показателей, например лично-притяжательных суффиксов имени существительного и лично-числовых глагольных суффиксов, а также широко распространенной частеречной деривацией, следствием которой является образование функциональных омонимов (структурно идентичных единиц различных грамматических классов), см. *би вāхамби* контекстах: *Ча бојомбо би вāхамби* ‘Того медведя **я добыл (убил)**’; *Би вāхамби улинга этчин(и) биэ* ‘**Моя добыча** хорошей не была’; *Нарисал би вāхамби бојомбо улиссэни мапарилтај бууэчи* ‘Мужчины мясо **добытого мной** медведя отдали старикам’.

Оставаясь в рамках предложенной ранее грамматической классификации, допускающей относительно эквивалентное соотнесение лексических единиц, «разбиваемых» на грамматические классы на основании универсальных параметров, можно структурировать систему отглагольных образований, отказавшись от трактовки понимания грамматического статуса причастий-существительных, причастий-прилагательных, деепричастий-наречий и «связанных» имен существительных неполной парадигмы в составе посессивных конструкций как «особых форм глагола». Отсутствие семантических и структурных эквивалентов некоторым из этих отглагольных образований в русском языке и относительная, весьма условная соотносимость с синтаксическими конструкциями уровня осложняющих обстоятельств в составе простого предложения или придаточных в составе сложного – это те факторы, которые обусловили дополнительные трудности при квалификации данных лексических единиц в тунгусо-маньчжурских языках.

Сложность частеречной квалификации причастий некоторых разрядов, так называемых особых именных форм глагола, одновременно-длительных и условно-временных деепричастий в системе глагольных словоформ, основанная на собственных им частнограмматических характеристиках, отмечалась практически всеми исследователями тунгусо-маньчжурских языков. Особенности этих лекси-

ческих единиц, генетически восходящих к основе глагола, в парадигматическом плане лишенных сугубо глагольных категорий (наклонения, времени, лица), которым присущи исключительно категориальные характеристики имени существительного (именные показатели числа и падежа у причастий, категория посессивности, в особенности – возвратное притяжание, свойственное деепричастиям и так называемым особым глагольным формам) и их синтаксическая позиция в предложении, становятся определяющими при их морфологической квалификации: это имена существительные, имена прилагательные или наречия. Их семантика не находит однозначного соответствия в русском языке, определяя на основании структурных характеристик функциональную неравнозначность: притяжательная словоформа как член предложения в тунгусо-маньчжурских языках может быть соотнесена в русском языке исключительно со словосочетанием, а «особые именные глагольные формы» или условно-временное деепричастие эквивалентны осложняющим обстоятельствам или же придаточным предложениям в составе сложноподчиненного.

Как справедливо отмечал О. П. Суник, «именными формами глагола мы называем... такие частные глагольные формы, как супин, условная форма (кондициональ) и некоторые другие. Основанием для объединения указанных форм в одном общем разряде и для наименования его *разрядом именных форм глагола* (курсив наш. – Л. О.) служит, прежде всего, тип окончаний, свойственных этим формам, – лично-притяжательные и возвратно-притяжательные окончания, присущие, как правило, именам, а не глаголам» [Суник, 1962, с. 249].

Отсутствие грамматических эквивалентов данным лексическим единицам в тунгусо-маньчжурских языках отнюдь не препятствует отнесению их к именному классу на основании ранее предложенных универсальных параметров: их синтаксическая функция и присущая им категория посессивности, особенно возвратное притяжание, свойственны в тунгусо-маньчжурских языках исключительно классу имен существительных.

Вообще в тунгусо-маньчжурских языках и в орокском языке в частности лично-числовые суффиксы глагола и лично-притяжательные суффиксы существительного омонимичны, но возвратно-притяжательные не имеют параллелей в системе глагольных. Соответственно, лексические единицы, в структуре которых выделяется возвратно-притяжательный суффикс, независимо от того, квалифицировались ли они ранее как «особые именные глагольные формы» или деепричастия в орокском языке, бесспорно являются именами существительными особой парадигмы, не имеющими структурных и функционально-семантических эквивалентов в классе имен существительных русского языка.

Исходя из вышесказанного, структурирование системы глагола в орокском языке не должно основываться только на генезисе лексической единицы: образование от глагольной основы не является достаточным основанием для квалификации всех отглагольных образований как «особых» или «специфических форм глагола». Представление о собственно глаголе должно быть ограничено финитными формами, исходя из парадигматических характеристик в аспекте общекатегориальных значений (темпоральность, модальность, аспектуальность) и синтаксической составляющей (предикативная позиция). А на основании универсальных параметров, позволяющих оформить грамматическую структуру типологически различных языков, что делает эти языковые системы максимально соотносительными, причастия и деепричастия в орокском языке не являются «особыми формами глагола».

Основным объединяющим фактором остается исключительно возведение данных единиц языка в словообразовательном плане к глагольной основе. Бесспорно, все они связаны с действием, однако семантически, парадигматически и функционально демонстрируют нейтральность в отношении основных семантико-

категориальных признаков собственно глагола, в первую очередь, – обозначение процесса, реализующегося во времени.

Причастие

Причастие представлено в орокском языке несколькими разрядами, довольно существенно отличающимися друг от друга в грамматическом и функциональном плане. Это активные и пассивные причастия, причастия обычности действия и причастия длительного действия. При образовании этих лексических единиц (исключение составляют активные причастия) используются маркирующие каждую единицу суффиксальные показатели, не встречающиеся в системе словообразования и формообразования глагола: суффиксы так называемых пассивных причастий настоящего времени *-вури/-нури/-(м)бури* и прошедшего времени *-пула/-пулэ*, не дифференцируемые в темпоральном плане суффиксы причастий обычности действия *-вуки (-вки/-уки)/-нуки/-(м)буки* и суффиксы причастий длительного действия *-пра/-прэ*.

Активные причастия представлены причастиями-существительными и причастиями-прилагательными. Активные причастия, условно маркированные в отношении времени через суффиксальные показатели, вполне соотносительны с русскими. Омонимичны основам настоящего и прошедшего времени глагола (ср. *синдэ* 1) приход; 2) приходящий и *синдэ*- основа наст. вр. и *синдаха(н-)* 1) приход; 2) пришедший и *синдахан*- основа пр. вр.); при наличии притяжательного оформления – финитным формам глагола в индикативе, см. вне контекста *мапа синдаха-ни* ‘старик пришел’ и ‘приход старика’ (букв.: старик приход-его).

Активные причастия-существительные в орокском языке сходны с субстантивированными русскими активными причастиями: им свойственны категории падежа и числа. В отличие от омонимичных причастий-прилагательных маркируются не имеющими аналогов в русском языке категориями косвенной и прямой принадлежности (личной и возвратной), реализуя в составе посессивной конструкции синтаксическую позицию определяемого. Причастия-прилагательные разряда активных соотносительны с русскими активными и пассивными причастными формами в функциональном плане: роль атрибута (в этой позиции нейтральны в отношении числа определяемого) и части именного предиката (категория числа носит регулярный характер).

Пассивные причастия настоящего времени в орокском языке выступают как причастия-существительные, нейтральны в отношении формообразования и функционально ограничены: роль подлежащего, семантически соотносительны с русскими отглагольными существительными (*бег, ноша* и т. п.), условно – с инфинитивом, используются как вокабулы в лексикографических описаниях. Ср.: *Умури орки бини-тани* ‘Курение вредит точно (точно является вредным)’ и *Умури орки* ‘Курить вредно’.

Пассивные причастия-прилагательные прошедшего времени в орокском языке, в отличие от русских единиц этого разряда, нейтральны в отношении категории падежа, категория числа не носит регулярного характера в атрибутивной функции, но последовательно реализуется в функции именного предиката через присоединение суффикса множественного числа имени в варианте *-л*, носит согласовательный характер, например: *Нари-сал чипāl(и) вā-пула-л* ‘Все мужчины убиты’. Соотносительны с русскими пассивными причастиями прошедшего времени, образованными от глаголов совершенного вида, например: *Дава барамба тэли-пулэ* ‘Кеты (рыбы) множество заготовлено’. Синтаксическая позиция сведена к роли предиката с крайне редким факультативным использованием при необходимости подчеркивания темпоральных характеристик – прошедшего времени –

глагола-связки *би-* ‘быть, явиться, являться (кем/чем, каким)’ в соответствующих финитных формах.

Причастия-прилагательные обычности действия (маркер – суффикс *-вуки/-вки/-уки/-нуки/-(м)буки*) квалифицируются исключительно как предикативные: синтаксическая позиция ограничена функцией предиката. Нейтральны в отношении времени (эквивалентны русским финитным формам презенса глагола несовершенного вида, преимущественно 3-го лица единственного и множественного числа), темпоральные характеристики реализуют в составе сложного предиката (финитные формы связки *би-*), дифференцированы в отношении числа – показатель множественного числа имени в варианте *-л*: *Чипавунду улал би-вуки-л, паиктани дэпу-вки-л* ‘На реке Чипавуна олени живут, траву едят’.

Причастия-прилагательные длительного действия (маркер – суффикс *-пра/-прэ/-ра/-рэ*) абсолютно нейтральны в отношении формообразования (первичная глагольная основа + суффикс *-пра/-прэ*), также функционально ограничены, реализуя исключительно позицию предиката, например: *Нѳни чаду дин горо битчи-чи, саңнамба умирра, чаива умирра* ‘Они там очень долго были, табак курили, чай пили’. В семантическом плане причастия длительного действия эквивалентны русским финитным формам перфекта глагола совершенного вида. В составе сложного предиката глагольная связка прошедшего времени (используется факультативно в силу самодостаточности форм причастия длительного действия) присоединяется через препозитивный формант *ој*, вероятно достаточно архаичный, семантический и грамматический статус которого не установлен (единичные фиксации в записях Т. И. Петровой, датированных 1936 г.), например: *Тар бими нѳни сиромбо вѳра ој битчини* ‘Так живя, он стал способным убивать дикого оленя’; *Дѳи оччиндуни сундатта тѳлиррѳ ој очини* ‘Когда стал взрослым, рыбу все время заготавливал’ (букв.: при его становлении взрослым он все время заготавливал рыбу) и др. Т. И. Петрова, отмечая на основании сходства суффиксальных показателей близость данных форм формам разновременного деепричастия в ульском и нанайском языках, одновременно высказала предположение о том, что это форма «какого-то более древнего причастия» [Петрова, 1967, с. 105]. Завершая анализ причастных форм орокского языка, хотелось бы подчеркнуть следующее:

1. Морфемная структура активных причастий настоящего и прошедшего времени, являющихся лексическими единицами, в орокском языке совпадает с морфемной структурой основ настоящего и прошедшего времени финитных форм глагола, являющихся частью словоформы, а не лексическими единицами. Активные причастия-прилагательные в предложении реализуют синтаксическую позицию атрибута при подлежащем или дополнении, допустима позиция части в составе сложного предиката, тогда как финитные формы всегда выступают в функции простого предиката.

2. Для предложения в русском языке характерен свободный порядок, предикативная конструкция в орокском подчинена жесткому порядку следования членов. В синтаксической функции атрибута причастие-прилагательное всегда занимает препозицию относительно определяемого имени существительного в функции подлежащего (субъекта) или дополнения (объекта), глагол в функции предиката – постпозицию относительно подлежащего, обычно – позицию абсолютного конца предикативной конструкции.

3. Активные причастия-прилагательные и причастия-прилагательные обычности действия, эквивалентные по семантике русским активным причастиям, образованным от глаголов несовершенного вида, в позиции предиката для реализации темпоральных значений требуют обязательного включения в состав сказуемого финитных форм глаголов *би-* ‘быть, явиться, являться (кем/чем, каким)’ или *о-* ‘стать становиться’ в функции связки. В орокском языке такой пре-

дикат семантически не эквивалентен предикату, выраженному финитной формой глагола: он отражает преимущественно аспектуально-модальные характеристики действия, что в русском языке оформляется видовременными суффиксами причастных словоформ, ср. *Мапа нэнэллэ отчини* 'Старик отправился <в очередной раз, как делал это многократно>' (букв.: начинающим идти сделался), где *нэнэ*- идти + [-лу суф. начинательности. + -j суф. наст. вр.] = -ллэ) и *Мапа нэнэхэни* 'Старик отправился <именно сейчас; в тот момент, о котором идет речь>', где *нэнэ*- идти + -хэн суф. пр. вр. + -ни суф. 3 л. ед. ч.).

Деепричастие

Деепричастия представлены в орокском языке несколькими разрядами: одновременно, одновременно-длительные, разновременные и условно-временные. Все они в орокском языке характеризуются наличием возвратно-притяжательного оформления, что позволяет сомневаться в грамматическом статусе этих отглагольных единиц, относимых к разряду деепричастия скорее в рамках традиции. Категория посессивности в тунгусо-маньчжурских языках охватывает исключительно грамматический класс имен существительных: возвратное притяжание выражает принадлежность предмета (или субстантивно выраженного действия) только субъекту действия.

Образуюсь от глагольных основ при помощи суффиксальных показателей, семантика которых значительно шире грамматической (задача последней сводится к маркировке формы в рамках категориальных парадигм), деепричастия в возвратно-притяжательной форме семантически осложняют предикативную конструкцию, т. е. их синтаксическая функция выходит за границы функции простого обстоятельства. Способность деепричастий оформляться посессивными, а именно возвратно-притяжательными суффиксальными показателями, дифференцируемыми в отношении числа (-и 'свой/свои – для одного' и -ри 'свой/свои – для многих'), свойственная исключительно именам существительным, наряду с неоднократно высказываемыми многими тунгусоведами сомнениями в отношении их грамматического статуса, наводит на мысль о необходимости пересмотреть вопрос о квалификации отглагольных образований, традиционно относимых в орокском языке к деепричастиям. Орокские деепричастия – это, скорее, отглагольные имена, в составе которых собственно «деепричастные» суффиксы выступают как *словообразовательные*.

Возвратно-притяжательный суффикс достаточно «прозрачен» в структуре всех возвратных форм, соотносимых с множественным числом субъекта, но менее очевиден или «непрозрачен» в формах единственного числа в силу присущих орокскому языку ассимилятивных процессов и широко распространенной фузии. Т. И. Петрова высказала вполне обоснованное, по мнению В. А. Аврорина [Аврорин, 1981, с. 11], предположение, что «суффиксы одновременного деепричастия (как и деепричастий других разрядов. – Л. О.) этимологически членимы, что в их составе был некогда собственно деепричастный суффикс -ма/-мэ и возвратно-притяжательный суффикс -и для единственного числа субъекта и -ри – для множественного числа субъекта, то есть, что первоначально это были составные суффиксы -маи/-мэи и -мари/-мэри, причем второй из них остался без изменения, а в первом произошла довольно обычная монофтонгизация дифтонгов *ai/эи > и*» [Петрова, 1941, с. 92]. Продолжая, А. М. Певнов уточнил, что «элемент *-ма/-мэ служил, скорее всего, показателем не деепричастия, а субстантивированного причастия... первоначально деепричастие на -ми представляло собой причастие в винительном падеже... Учитывая характерную для тунгусо-маньчжурских языков способность оформлять винительным падежом обстоятельство времени, можно предположить, что именно благодаря этой функции аккузатива возвратно-

притяжательная форма архаического причастия на *-*ма/-мэ* постепенно превратилась в деепричастие, словоизменительные морфемы которого, утратив свойственное им грамматическое значение, подверглись фонетическим изменениям» [Певнов, 1980, с. 11]. Но еще В. А. Аврорин отмечал, что в тунгусо-маньчжурских языках «возвратно-притяжательным суффиксом множественного числа является *-вари/-вэри*, а не *-ри*. Поэтому эволюция суффикса *-мари/-мэри* выглядит так: *[-ма] + [-вари] / [-мэ] + [-вэри]*, при выпадении согласного [в] между гласными > *[-мāри]/[-мэри]* и в результате редукции долгого гласного, характерного для последнего и близкого к ним слогов, > *[-мари]/[-мэри]*» [Аврорин, 1961, с. 141], т. е. *[-ма] + [-вари] / [-мэ] + [-вэри] > [-мāри]/[-мэри] > [-мари]/[-мэри]*.

Аналогичные процессы, вероятно, имели место при формировании суффиксов одновременно-длительного и разновременного деепричастий. Суффиксальные показатели одновременно-длительного деепричастия в ед. ч. – архаичный показатель *-*ма* + суффикс одновременно-длительного деепричастия *-зи/-зе* + возвратно-притяжательный суффикс ед. ч. *-и* > *-мзи/-мзэ* и во мн. ч. *-мзи/-мзе* + *-ри* > *-мзири/-мзэри*; разновременное деепричастие характеризуется суффиксальными показателями *-үатчи/-үэтчи/-катчи/-кэтчи* + *-и* > *-үатчй/-үэтчй/-катчй/-кэтчй* в форме единственного числа, форма множественного числа оформляется присоединением возвратно-притяжательного суффикса *-ри*: *-үатчйри (-үатчэри) / -үэтчйри (-үэтчэри) / -катчйри (-катчэри) / -кэтчйри (-кэтчэри)*.

В семантическом плане орокские деепричастия даже условно не могут быть соотнесены с русскими деепричастиями: их семантика сложнее, с грамматической точки зрения – орокское деепричастие как глагольная форма совершенно лишено временных характеристик, которые присущи русским в зависимости от вида производящей основы.

Семантика одновременно и одновременно-длительного деепричастия не находит полных семантических параллелей среди деепричастий в русском языке, но вполне может быть соотнесена с семантикой обстоятельств, выраженных предложно-падежными формами, что в полной мере оправдывает оформление данных отглагольных образований возвратно-притяжательными суффиксами и конкретизирует их семантику.

Помимо указания на синхронность добавочного и основного действия, одновременно деепричастие-существительное косвенным образом как бы указывает на причину, время, цель обозначаемого им добавочного действия, например: *Эни-ни сагдами бутчини* ‘Его мать, старея (от своей старости), умерла’; *Чотчи андални дукутакки нэнүхэни, нёттоини аксами* ‘Потом его друг в свой дом ушел, на него обидясь’ (из-за своей обиды на него); *Чи ча бō дōвани нэнүхэни, дукуби гэлэдуми* ‘Долго в продолжение той непогоды он ходил, свой дом разыскивая (для своего отыскивания дома)’ и др.

Семантика одновременно-длительного деепричастия предполагает указание на длительность добавочного действия, так как основное действие возможно только в результате длительного осуществления добавочного, главное фактически является результатом добавочного, например: *Цэнэмде биккури аптугачи* ‘Шли-шли (в результате своей долгой ходьбы), до места своего жилья дошли’; *Соломди мапа уни дэрэтэки солохони* ‘Старик плыл-плыл (в результате своего длительного плавания) вверх по реке, к истоку реки поднялся (приплыл)’.

Семантика разновременных деепричастий-существительных подразумевает отделение добавочного действия по времени от основного, оно либо следует, либо предшествует основному, например: *Тар нэнэгэтчэри (нэнэ- ‘идти, пойти’) сиромбо гэлэкури аптугачи* ‘Так, ушедши (в результате своей ходьбы), дошли до того места, где они обычно разыскивают своих оленей’ (букв.: места своего поиска оленей достигли).

Семантика условно-временных деепричастий-существительных орокского языка вообще не находит эквивалентов среди русских деепричастий: она соответствует семантике придаточных условия или времени в полипредикативных конструкциях русского языка. Кроме того, сравнительно с остальными деепричастиями, они демонстрируют особенности в образовании форм числа. Условно-временные деепричастия образуются суффиксами *-na/-nэ + -и < -ni/-ne* в единственном числе, *-nis'c'a/-nis'c'э* – во множественном, причем второй компонент, сопоставим, по мнению Т. И. Петровой, с суффиксом множественного числа имени существительного *-sal/-сэл*. Семантически они вполне соотносимы с кондиционалом, квалифицированным Т. И. Петровой как «условно-временная форма» [Петрова, 1967, с. 117], функционируют в монофинитных конструкциях при односубъектности главного и зависимого действия, например: *Тари нари чимаги тэпэ, паиктануби нэннэнию* ‘Тот человек утром, когда встанет (после своего вставания) идет <косить> траву’ (букв.: по его траву); *Би меокчалапе, ча бэјнэ меокчаллэ-лахамби* ‘Когда бы я выстрелил, я того зверя застрелил бы’ (букв.: при своем выстреливании).

Как уже было сказано, деепричастия-существительные противопоставляются конструкциям со связанными отглагольными существительными по отнесенности главного (предикат) и зависимого действия к одному субъекту или к разным субъектам.

Особые глагольные формы

По функциональным основаниям конструкции со связанными отглагольными существительными квалифицируются как распространенные обстоятельства. Как «связанные» отглагольные имена, они квалифицируются на основании того, что не функционируют вне притяжательных конструкций. Допуская разносубъектность, они оформляются не только возвратными, но и лично-притяжательными суффиксами: при первом члене притяжательной конструкции, выраженном несамостоятельным притяжательным местоимением-прилагательным, возвратным местоимением-прилагательным или личным местоимением-существительным, связанное имя существительное оформляется соответствующим притяжательным суффиксом 1-го, 2-го или 3-го лица единственного и множественного числа или возвратно-притяжательным суффиксом; при первом члене, выраженном именем существительным, – только притяжательными суффиксами 3-го лица единственного и множественного числа. По семантическим основаниям связанные отглагольные имена-существительные в орокском языке квалифицируются как супин, кондициональ, симулятив, консессив и имя недостигнутой цели или несостоявшегося действия.

Супин, или имя цели, образуется от первичной глагольной основы путем присоединения суффикса *-будду/-буддо/-боддо* (вариант суффикса определяется законом гармонии гласных), за которым всегда следует лично-притяжательный или возвратно-притяжательный суффикс, характер которого определяется грамматико-семантическим разрядом первого компонента, например: *Тари мапа Наху-лаккатаи нэнэллэни гаччибудди* ‘Тот старик едет в Ноглики за своими покупками’ (букв.: для своих покупок); *Чбччи тари наррэ гедэ туксамба вāхани мама дэптэбуддони* ‘Потом тот человек одного зайца убил, чтобы старуха поела’ (букв.: для еды старухи). Супин субстантивно обозначает такое добавочное действие, для осуществления которого совершается основное действие, причем исполнителем добавочного субстантивно обозначенного действия может быть как субъект основного действия, так и иное лицо.

Кондициональ, или условно-временное имя, образуется через присоединение непосредственно к основе глагола суффикса *-гута/-гутэ/-кута/-кутэ*, также суф-

фикс может выступать в вариантах *-вута* (*-вта/-ута*) / *-вутэ* (*-втэ/-утэ*), за которым следует лично-притяжательный суффикс, например: *Си (син) самаккутэси би улинга осиллэви* ‘Если ты пошаманишь (букв.: при условии твоего камлания), я выздоровлю’; *Бу (мун) бојомбо вѣутану су элэ дэппеллѣсу* ‘Когда мы медведя на охоте добудем (букв.: после нашего промысла медведя), вы досыта наедитесь’. Возвратно-притяжательное оформление по семантическим основаниям невозможно, так как зависимое субстантивно мыслимое действие и основное глагольное действие осуществляются разными субъектами.

Симультив, или имя одновременного действия, образуется через присоединение к основе глагола суффикса *-наси* (*-насси*) / *-нэси* (*-нэсси*) / *-носи* (*-носси*), за которым следует лично-притяжательный или возвратно-притяжательный суффикс, например: *Сун(у) биңэсису Пилетунду гедэ нари кадаранусу вѣхани* ‘Когда вы были в Пильтуне (букв.: при вашем пребывании), один человек вашего огромного медведя убил’; *Эр мангасал бинэссири зин бара заргули манауачи-тани* ‘Эти богатыри при своей жизни очень много красных волков (чертей) уничтожили’. Симультив обозначает субстантивно выраженное действие, совершающееся одновременно, параллельно с основным действием, которое в большинстве случаев происходило достаточно давно, т. е. относится к отдаленному прошлому.

Консесив, или условно-уступительное имя, образуется от основ глагола I типа при помощи суффикса *-уи* ~ *-ги*, за которым следует лично-притяжательный суффикс, от глагольных основ II типа – через наращение *-ра/-рэ*, III типа – *-да/-дэ*, IV типа – *-си* (основы *би-* и *то-* присоединяют суффикс *-уи* ~ *-ги* непосредственно к основе), например: *Син мѣлогиси би улиссэ ололлэви* ‘Если ты дров принесешь (букв.: при условии твоего принесения дров), я сварю мясо’; *Би оронне инэни ундэуви мимбе этчини дѣбу* ‘Хотя я сегодня и говорил (букв.: несмотря на мое говорение), они меня не послушались’; *Бу (мун) нѣттоини улабари бурэгипу нѣни этчини гѣда* ‘Хотя мы ему своих оленей давали (букв.: несмотря на наше давание ему своих оленей), он не взял’. Консесив субстантивно обозначает такое добавочное действие, которое завершается к началу и в то же время является условием осуществления главного действия, выраженного собственно глаголом.

Имя недостигнутой цели или несостоявшегося действия субстантивно указывает на некое действие, событие, которое не состоялось, причем причина невозможности совершить его кроется в основном глагольном действии, осуществленном субъектом или субъектами, т. е. цель основного действия субъекта – воспрепятствовать зависимому действию, сделать невозможным событие, действие, которое только намеревается совершить кто-либо, например: *Бу унэјдипу чипали нэнууэчи* ‘Мы только собрались сказать, <а> все ушли = мы собирались сказать, <но не сказали, потому что> все ушли = <чтобы> мы не сказали <о чем-то>, все ушли’. То есть в семантическом плане конструкции с обстоятельствами несостоявшегося действия могут быть интерпретированы двояко: ‘Мы не сказали, потому что все ушли’ = ‘Все ушли, чтобы мы не сказали’ (букв.: для нашего не-говорения все ушли). Фактически связанное имя недостигнутой цели или несостоявшегося действия субстантивно обозначают зависимое не-действие, совершению которого препятствует именно основное глагольное действие, осуществленное субъектом или субъектами ранее, причем исполнителем субстантивно выраженного добавочного действия всегда является другое лицо или лица. Имя недостигнутой цели образуется от основ глагола присоединением суффикса *-најзи/-нэјзи*, за которым следует лично-притяжательный суффикс, например: *Мун вѣнајзипу нѣчи эчичи синдагачи* ‘Мы собрались поохотиться (букв.: для нашей не-охоты, для невозможности нашей охоты), они не пришли = чтобы мы не смогли поохотиться, они не пришли’; *Мин нэнуэјзиви мапа угдаби эсини бурэ*

‘Я собрался уезжать (букв.: для моего не-отъезда, для невозможности нашего отъезда), старик лодку не дает = старик лодку не дает, чтобы я не смог уехать’.

Выводы

1. Анализ функционально-семантических и категориальных характеристик причастий в русском и орокском языках позволил провести параллели на уровне активных настоящего и прошедшего времени и пассивных прошедшего времени причастий, объединив часть орокских активных причастий с десемантизированными суффиксами настоящего и прошедшего времени в разряд слов класса имени существительного, другую часть активных причастий настоящего и прошедшего времени и пассивное причастие прошедшего времени, лишенное собственно темпоральных показателей, – в разряд слов класса имени прилагательного, т. е. квалифицировать эти лексико-морфологические единицы как причастия-существительные и причастия-прилагательные, особенности которых определяются производящей основой.

2. Причастия обычности и регулярного действия, выделяемые по словообразовательным, категориальным (оформление форм множественного числа) и функциональным характеристикам, квалифицируются (только функция сказуемого) как предикативные причастия-прилагательные, более дифференцированно реализующая аспектуальные характеристики предиката в сравнении с финитными формами орокского глагола, что в русском языке оформляется глаголами совершенного или несовершенного вида.

3. Анализ функционально-семантических и категориальных характеристик отглагольных образований, квалифицируемых в русском и тунгусо-маньчжурских языках как деепричастия, особенно выявление в морфемной структуре орокских деепричастий возвратно-притяжательного суффикса (возвратное притяжание при существе только именам существительным), актуализировал вопрос об их грамматическом статусе: семантика и структура тунгусо-маньчжурских деепричастий демонстрируют больше отличий, чем сходств с русскими. Высказывавшееся еще В. А. Аврориным [Аврорин, 1961, с. 141], Т. И. Петровой [Петрова, 1941, с. 92], О. П. Суником [Суник, 1962, с. 33] и др. предположение о развитии тунгусо-маньчжурских деепричастий из возвратно-притяжательных форм имени, в частности падежной формы древнего субстантивированного причастия, было достаточно детально обосновано А. М. Певновым на эвенкийском материале [Певнов, 1980, с. 11].

4. Полная функционально-семантическая запараллеленность орокских деепричастий с возвратно-притяжательными суффиксами и «особых отглагольных форм» (которые специалистами по тунгусо-маньчжурским языкам всегда признавались именными и квалифицировались как отглагольные существительные) позволяет высказать предположение об именном статусе орокских деепричастий: это также отглагольные существительные сохранившейся в орокском языке древней парадигмы морфо-синтаксических форм, дифференцируемых в отношении их «замкнутости» или «незамкнутости» на субъект действия. При односубъектности действия обстоятельства выражались возвратно-притяжательными конструкциями с деепричастиями, при разносубъектности – притяжательными конструкциями со связанными именами существительными. Отметим, что «свернутые» возвратно-притяжательные конструкции (с опущенным первым членом – возвратным местоимением) являются в орокском языке нормой, по этим основаниям второй компонент синтаксической структуры в ряде тунгусо-маньчжурских языков квалифицируется как «безличная» притяжательная форма [Суник, 1962, с. 33], какой и является орокское деепричастие.

5. Собственно обстоятельства, выраженные возвратными деепричастиями-существительными и посессивными конструкциями с отглагольными именами, квалифицированными как супин, кондициональ, симультив, консессив и имя недостигнутой цели, соответствуют русским придаточным предложениям тех же разрядов в составе сложного предложения, вводимых подчинительными союзами, которые в орокском языке отсутствуют, поскольку были бы функционально-ненагруженными, избыточными.

Список литературы

- Аврорин В. А.* Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.; Л.: Наука, 1961. 294 с.
Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. 198 с.
Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 928 с.
Певнов А. М. Деепричастия на -ми в эвенкийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 23 с.
Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. 107 с.
Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 155 с.
Сунник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 363 с.

L. V. Ozolinya

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; larisa-3302803@rambler.ru*

Comparability of verb forms in the Russian and Orok languages (the participle, the adverbial participle, the specific verb forms)

The paper deals with the issues of the grammatical status of the deverbative formations traditionally specified as special verb forms or nominal verb forms, namely, participles, the adverbial participle and Tungus bound nouns having an incomplete paradigm which are equivalent to the Russian syntactic structures realizing a syntactic adverbial position, taking into account the grammatical form (grammatical features) and the functional component. The unification of these lexical units on the basis of the classifying features allows to exactly correlate the structure and semantics of these deverbative formations in the Russian and Orok languages.

Keywords: lexical unit, grammatical form, non-finite form, paradigm, category features, possessiveness, simultative, concessive, supine, conditional.

DOI 10.17223/18137083/55/22